

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как великий праведник с горы Ваньшоушань задержал своего старого друга и как Сунь У-кун украл плоды дерева жизни в монастыре Учжуангуань

И вот три паломника вошли в лес и увидели там Дурня, который был привязан к дереву и громко стонал от боли. Подойдя к нему, Сун У-кун язвительно сказал:

— Ну что, прекрасный зятек! Так поздно, а ты еще не встал. Ведь надо поблагодарить родителей невесты и сообщить учителю о счастливом событии. Что же ты возишься со своими узлами? А где же теща, жена где?!

Дурень не знал, куда деваться от стыда и, стиснув зубы, старался превозмочь нестерпимую боль. Ша-сэн пожалел его и, опустив коромысло с вещами, освободил от веревок. Чжу Ба-цзе молчал, не переставая кланяться.

О том, как все это происходило, в сборнике «Сицзяньюе» есть стихи.

Наносим мы смертельные удары
По собственным телам мечом страстей,
Разряженной красотки юной чары
Любого духа злобного страшней.
Стремиться к мелким выгодам не стоит,
Нет счастья в наполнении мошны,
Для сохраненья внутренних достоинств
Мы в строгости себя блюсти должны.

Чжу Ба-цзе сгреб в кучку листья и, возжигая благовония, поклонился небу.

— Ты узнал этих бодисатв? — спросил его Сунь У-кун.

— Как мог я узнать? У меня перед глазами пошли огненные круги, и я упал без сознания.

Тогда Сунь У-кун передал ему снятую с дерева полоску бумаги. Прочитав ее, Чжу Ба-цзе ощутил еще больший стыд.

— Ну что, брат, — сказал со смехом Ша-сэн, — видишь, как тебе повезло!

— Не говори об этом, брат. Я и так презираю себя! — сказал Чжу Ба-цзе. — Вперед не стану поступать так безрассудно.

Пусть кости мои трещат, пусть плечи покроются мозолями от ноши, я буду следовать за учителем.

— Вот теперь ты правильно рассуждаешь, — промолвил Сюань-цзан.

И они двинулись дальше. Сунь У-кун вывел всех на дорогу.

Они шли довольно долго и вдруг перед ними выросла огромная гора. Остановив коня, Сюань-цзан сказал:

— Ученики мои! Надо быть начеку. Может быть, на этой горе живут волшебники, которые могут причинить нам вред.

— Вам нечего бояться, учитель, — успокоил его Сунь У-кун, — ведь ваши ученики рядом с вами.

Не тревожась больше, Сюань-цзан двинулся дальше. Однако вы послушайте, какая это была замечательная гора:

Не видно конца к небесам устремившимся скалам,

Утесы над пропастью мрачною нагромодились,

К хребту Куэнь-луня гора вдалеке примыкала,

В Небесную реку вершины ее погрузились.

Спускались порой журавли на верхушки акаций,

Слепящее солнце пронзало лесные туманы,

На свежих зеленых полянах устав кувыркаться,

На длинных лианах качались крича обезьяны.

И ветер рождался в ущельях сырых и тенистых,

И ввысь устремясь, вызывал облаков колыханье...

И щебет невидимой птицы в зеленом бамбуке,

И в дикой душистой траве поединки фазаньи...

И венчики слив на зеленых нагорьях раскрылись,

И склоны покрыл розоватый и цепкий шиповник,
Простерся чудесным ковром фиолетовый ирис,
Был певчими птицами лес заповедный наполнен...
В глубоких и мрачных пещерах жилище Циляня,
Которому звери с покорностью повиновались,
И горные реки меж скал, в благодатной долине
Прозрачную воду неспешно струя, извивались...

— Ученики мои! — восторженно воскликнул Сюань-цзан. — Мы долго шли, встречая на своем пути немало высоких гор и опасных рек. Но ни одна из них по красоте не может сравниться с этой горой. Это поистине удивительная гора! Может быть, до храма Раскатов грома уж не так далеко, тогда нам нужно как следует подготовиться, чтобы предстать перед Буддой!

— Рановато, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Путь еще нам предстоит долгий!

— Дорогой брат! Сколько же осталось до храма Раскатов грома?— спросил Ша-сэн.

— Сто восемь тысяч ли, — отвечал Сунь У-кун. — Из десяти перевалов мы не сделали пока и одного.

— Сколько же лет нужно идти, чтобы добраться туда, дорогой брат? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Вы, братья мои, сможете проделать этот путь дней за десять. Я за один день могу пятьдесят раз обойти вокруг земли и все время буду видеть солнце. А вот об учителе трудно что-нибудь сказать.

— Когда же, по-твоему, мы придем? — спросил Сюань-цзан.

— Если бы вы отправились в путь еще ребенком и шли до самой старости, а потом снова стали бы молодым и так повторялось бы тысячу раз, то и за это время трудно было бы дойти. Но вам я вот что скажу. Храните чистые помыслы и искренне молитесь о том, чтобы благополучно вернуться обратно, только тогда вы достигнете священной горы Линшань.

— Дорогой брат, — сказал Ша-сэн. — Хоть здесь и не расположен храм Раскатов грома, но в этих удивительно красивых местах, несомненно, живут хорошие люди.

— Это, конечно, верно, — подтвердил Сунь У-кун. — Здесь нет злых духов и обитают только монахи и небожители. Пойдемте потихоньку.

Оставим пока наших путников и посмотрим, что представляла собой гора Ваньшоушань. Здесь находился монастырь под названием Учжуангуань. В этом монастыре проживал преподобный старец, даосское имя которого было Чжэнь Юань-цзы, а прозвище — Юй Ши Тунцзюнь. В монастырском саду росло священное дерево, появившееся в период первобытного хаоса, когда земля и небо еще не были отделены друг от друга. Лишь на одном из четырех материков, на материке Синюэхэжюу, росло такое дерево. Называлось оно «Дерево жизни». Это дерево цвело раз в три тысячи лет. Еще через три тысячи лет на нем завязывались плоды и только через последующие три тысячи лет плоды созревали. Таким образом лишь через десять тысяч лет можно было вкушать плоды этого дерева. Вызревало всего тридцать плодов. Каждый плод походил на новорожденного младенца. У него были и четыре конечности и все пять органов чувств. Тот, кому посчастливится ощутить аромат этого плода, может прожить до трехсот шестидесяти лет, кому же выпадет счастье съесть такой плод, тот живет до сорока семи тысяч лет.

В тот день праведник Чжэнь Юань-цзы получил приглашение от Высшего даосского божества во дворец Мило, расположенный в высших небесных сферах, слушать проповедь «Пути и следствия хаотического начала». Надо вам сказать, что этот праведник воспитал бесчисленное количество учеников, но многих при нем уже не было. Осталось всего сорок восемь человек, в совершенстве познавших Истину. Захватив с собой сорок шесть учеников, праведник отправился слушать проповедь. Самых младших учеников он оставил дома. Одного из них звали Цин-фын — Чистый ветер, другого — Мин-юе — Ясная луна. Цин-фыну было всего тысяча триста двадцать лет, а Мин-юе только что исполнилось тысяча двести.

Отправляясь из дома, Чжэнь Юань-цзы дал своим послушникам наказ:

— Я не посмел отказаться от приглашения высшего божества и должен отправиться во дворец Мило. Вы оставайтесь здесь и будьте осторожны. На днях здесь будет проходить один мой старый друг, так вы уж постарайтесь как следует принять его. Можете сорвать два плода с дерева жизни и угостить его. Словом, пусть он поймет, что я помню нашу старую дружбу.

— А кто же он, ваш старый друг? — спросили послушники. — Скажите нам, чтобы мы могли устроить ему достойную встречу.

— Это преподобный монах, который служит у Танского императора в Китае. Его духовное имя Трипитака. Сейчас он следует в Индию, чтобы поклониться Будде и получить у него священные книги.

Тут послушники сказали.

— Еще Конфуций говорил: «Если пути Истины различны, нет надобности для сближения». Мы — последователи даосской школы Великого начала, зачем же нам водить дружбу с этим монахом?

— Где уж вам понять это? — сказал праведник. — Этот монах до перерождения был великим человеком и являлся вторым учеником святого Будды на Западе. Я познакомился с ним

пятьсот лет назад на пиру в честь спасения бесприютных духов. Он собственными руками поднес мне чай, и сын Будды почтил меня. Вот почему я считаю его своим старым другом.

Тогда послушники выразили готовность выполнить его волю.

А праведник, уходя, продолжал давать им наставления.

— Я веду строгий учет этих плодов, — говорил он. — Вы дайте ему два, а больше не расходуйте.

— С тех пор как ворота сада были для нас открыты, — сказал Цин-фын, — мы съели всего два плода и на дереве осталось еще двадцать восемь. Мы дадим вашему другу два плода, как вы приказали.

— С Танским монахом мы в дружбе, — продолжал праведник, — но смотрите, как бы не вышло каких-нибудь неприятностей с его спутниками. Надо сделать так, чтобы они ничего не заподозрили.

Послушники обещали выполнить все, как полагается. После этого праведник в сопровождении учеников отправился на небо. Между тем наши паломники, продолжая путь, вдруг увидели среди соснового леса и зарослей бамбука высокие строения.

— Что это за место? — спросил Сюань-цзан у Сунь У-куна.

— Это монастырь, — внимательно присмотревшись, отвечал Сунь У-кун. — Не то буддийский, не то даосский. Давайте подойдем поближе и посмотрим.

Вскоре они очутились у ворот, где перед ними открылась чудесная картина:

Безмятежностью веяло светлой от склонов,

Вековой сосною покрыты хребты,

На тропинках, бамбуком густым осененных,

Преисполнено все неземной чистоты.

Журавлиные стаи порой пролетали,

Словно в небе плыла облаков череда,

Обезьяны друг с другом делились плодами,

По ветвям пробегая туда и сюда.

И резные ворота средь пышных растений

Отражались в сверкающей глади пруда,
И тянулись травинки из тонких расщелин,
Хоть под ними скала, как железо, тверда...
И повсюду буддийские храмы вздымали.
Прямо в небо шатры черепичные крыш,
И террасы и башни тонули в тумане,
И стояла повсюду глубокая тишь.
Здесь вовек суета не терзает мирская,
Дышит полным покоем святая земля,
К добродетельной жизни сердца привлекая,
И в награду познание Дао суля
Здесь царицы Ван-му доставляя посланья,
Птицы черные в небе лазурном снуют,
Облегчая великого Дао познание,
Книги Лао-цзы фениксы всем раздают.
Вид хребтов, протянувшихся вдаль, необычен,
От него невозможно глаза оторвать,
Эту землю по праву любой небожитель
Мог своею обителью чистой назвать.

Сюань-цзан сошел с коня и, взглянув на ворота, увидел слева табличку с надписью:
«Волшебная страна горы долголетия, обиталище небожителей — монастырь Учжуангуань».

— А ведь это действительно даосский монастырь, ученики мои, — сказал Сюань-цзан.

— Учитель, — промолвил Ша-сэн, — этот монастырь так прекрасен, что здесь, несомненно, живут хорошие люди. Давайте войдем и посмотрим, что там делается. Это место мы запомним на всю жизнь и, вернувшись в Китай, будем вспоминать о нем.

— Ты совершенно прав, — согласился с ним Сунь У-кун. После этого все вошли в первые ворота. На вторых воротах висела надпись, оставшаяся с предыдущего нового года:
«Обиталище никогда не стареющих небожителей, счастливая страна вечно живущих даосов».

— Эти даосы такими громкими словами просто хотят запугать людей, — рассмеявшись сказал Сунь У-кун. — Пятьсот лет назад, когда я устроил дебош в небесных чертогах, я не видал ничего подобного даже на воротах дворца самого великого Лао-цзюня.

— А ты не обращай внимания и входи, — посоветовал Чжу Ба-цзе. — Кто знает, может быть, эти даосы действительно имеют какие-нибудь особые заслуги.

И вот, когда они уже вошли во вторые ворота, то увидели двух молодых отроков, быстро идущих им навстречу.

Их облик жизнерадостности полон:

Прически в виде круглого пучка,

Откинулись халатов легких полы,

И вьются перья рукавов слегка.

Тугие пояса у стройных талий,

На пряжке толстой золотой дракон,

И туго верх соломенных сандалий

Затянут тонким шелковым шнурком.

Весь вид их и спокоен и изящен,

И всяк поймет, взглянув на них едва,

По лицам, смертным не принадлежащим,

Что перед ним два юных божества.

Низко кланяясь, отроки вышли навстречу гостям и приветствовали их:

— Почтенный учитель! Простите, что мы раньше не вышли встретить вас. Пожалуйста, проходите!

Сюань-цзан был обрадован таким приемом и, следуя за послушниками, прошел в центральный храм, который состоял из пяти залов, с дверьми решетчатыми сверху и глухими снизу. Послушники открыли дверь и ввели Сюань-цзана в зал. На стене висели два огромных разукрашенных иероглифа «Небо и земля». Рядом стоял небольшой жертвенный столик, покрытый красным лаком, с инкрустациями, а на столике — две золотые курильницы и ароматные свечи для возжигания.

Сюань-цзан подошел к столику и зажег свечи. Затем он трижды обошел зал по кругу и, обернувшись, сказал:

— Святые послушники! Ваш монастырь расположен на Священной границе с Западом. Почему же вы не приносите жертвы трем даосским божествам, четырем императорам и всем служителям даосского неба, а лишь возжигаете фимиам Небу и Земле?

— Не станем обманывать вас, учитель, — с улыбкой отвечали послушники, — видите эти два иероглифа: так вот, мы считаем, что поклоняться следует только верхнему. И все это благодаря нашему учителю.

— Что же он сделал? — спросил Сюань-цзан.

— Три даосских божества — приятели нашего учителя, — отвечали послушники. — Четыре императора — его старые друзья. Девять светил — его младшие потомки, а Юань-чэн просто гость.

Услышав это, Сунь У-кун так расхохотался, что даже упал.

— Слушай, брат! Ты чему смеешься? — спросил Чжу Ба цзе.

— Вот все говорят, что я один морочу голову, — отвечал Сунь У-кун. — Но эти отроки врут еще более беззастенчиво. — А где же ваш учитель? — спросил Сюань-цзан.

— Учитель получил приглашение от высшего даосского божества во дворец Мило, который расположен в высших небесных сферах, и слушает там проповедь «Пути и следствия хаотического начала».

Тут Сунь У-кун не мог сдержать негодования:

— Стыда у вас нет! — крикнул он сердито. — Да перед кем это вы решили выкидывать свои штучки? Нечего хвалиться и молоть всякую ерунду! Да знаете ли вы, какие небожители обитают во дворце Мило? Станут приглашать туда таких скотов, как вы!

Видя, что Сунь У-кун пришел в ярость, и опасаясь скандала или драки, Сюань-цзан поспешил вмешаться.

— Сунь У-кун, перестань спорить, — сказал он. — Мы как пришли сюда, так и уйдем. Ведь не зря говорит пословица: «Ворон ворону глаз не выклюет». Раз их учителя нет дома, зачем подымать шум? Ты пойдись за ворота, попаси коня. Ша-сэн присмотрит за вещами, а Чжу Ба-цзе пусть достанет из тюка пшено и попросит разрешения приготовить на очаге еду. Перед уходом мы расплатимся с ними, и все будет в порядке. А сейчас займитесь каждый своим делом и дайте мне немножко отдохнуть. Подкрепимся и пойдем дальше.

После этого Сунь У-кун, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе занялись своим делом. А Мин-юе и Цин-фын остались очень довольны.

— Какой замечательный монах! — говорили они. — Он как святой с Запада, явившийся к нам. Истинную природу не скроешь. Наш учитель велел оказать хороший прием Танскому монаху и в доказательство своей дружбы к нему сказал, чтобы мы угостили его плодами дерева жизни. Однако он предостерегал нас от скандала, который могут учинить его спутники. И действительно, уж очень дерзкие и грубые у него ученики. Хорошо, что он услал их отсюда, а то нельзя было бы даже показать плод дерева жизни.

— Вот что, брат, — сказал тут Цин-фын. — А ведь мы, собственно говоря, и не знаем, действительно ли этот монах старый друг нашего учителя. Надо будет как следует порасспросить его, а то как бы не вышло ошибки.

И, подойдя к Сюань-цзану, они спросили:

— Разрешите узнать у вас, почтенный учитель, не вы ли Танский монах Трипитака, который следует в Индию за священными книгами?

— Я самый и есть, — почтительно отвечал им Сюань-цзан. — А откуда вам известно мое имя? — в свою очередь спросил он послушников.

— Наш учитель, уходя, велел нам выйти пораньше встретить вас, — сказали они. — Но вы так скоро прибыли, что мы не успели выполнить его приказа. Присядьте, пожалуйста, учитель, мы сейчас подадим вам чаю.

— Не стоит, спасибо, — поблагодарил Сюань-цзан.

Мин-юе тотчас же сходил в свою комнату, налил чашку ароматного чаю и поднес ее гостю. После этого Цин-фын обратился к Мин-юе:

— Брат, мы не должны нарушать воли нашего учителя. Пойдем принесем плоды.

Оставив Сюань-цзана одного, послушники отправились к себе. Один из них взял золотую колотушку, другой — красивое блюдо, которое покрыл несколькими шелковыми полотенцами, и они пошли в сад. Цин-фын вскарабкался на дерево и колотушкой начал сбивать плоды, а Мин-юе стоял под деревом и принимал их на блюдо. Сбив два плода, они вернулись в зал и преподнесли их Сюань-цзану.

— Почтенный Танский учитель, — промолвили они. — Наш монастырь Учжуангуань находится в захолустье, и у нас нет ничего, чем мы могли бы угостить вас. Единственное, что мы можем предложить, — вот эти плоды, отведайте и утолите жажду.

Увидев плоды, Сюань-цзан весь задрожал и, отскочив в сторону, воскликнул:

— О небо! Небо! Возможно ли, чтобы в такой урожайный год в монастыре ели людей? Ведь это

младенцы, как же вы смеете предлагать мне утолить ими жажду?

— Этот монах живет в мире сует, где царит беззаконие, — тихонько сказал Цин-фын. — Он происходит от простых смертных, где ему распознать драгоценность небожителей?

— Учитель, — сказал тогда, выступая вперед, Мин-юе, — это плод жизни, ничего не случится, если вы съедите его.

— Глупости все это! Ерунда! — закричал Сюань-цзан. — Мать этого ребенка, еще когда носила его, вынесла много горя, как же можно сейчас, когда он не прожил еще и трех дней, преподносить его вместо плода?

— Но этот плод действительно вырос на дереве, — уверял Цин-фын.

— Что за чепуха! — продолжал возмущаться Сюань-цзан. — Уж не хотите ли вы сказать, что на дереве растут люди! Унесите это блюдо! Совести у вас нет!

Убедившись в том, что Сюань-цзан не станет есть плодов, послушники вынуждены были унести их. А надо сказать, что плоды эти были необычны: их следовало сразу есть, так как они очень быстро затвердевали и становились непригодными для еды. Поэтому, вернувшись к себе в комнату, послушники взяли каждый по плоду и, усевшись рядом на кровати, начали есть.

И надо же было случиться, чтобы комната, в которой они находились, была отделена от кухни всего лишь тоненькой перегородкой. Даже шепот был отчетливо слышен на кухне. А там в это время как раз находился Чжу Ба-цзе, занятый приготовлением еды. Он еще раньше слышал, как приходили послушники взять колотушку и блюдо, и насторожился. А сейчас, услышав разговор о том, что Танский монах по своему неведению отказался есть плоды жизни, и узнав, что послушники сами решили съесть их, он подумал: «А почему бы и мне не отведать такой плод!» При этой мысли у него потекли слюнки. Однако решиться на это один он не мог и стал дожидаться Сунь У-куна, чтобы посоветоваться с ним, как быть. Он забыл и о пище, и об очаге и только то и делал, что вытягивал шею, прислушивался, или же выбегал из кухни, посмотреть, что делается.

Вскоре он увидел Сунь У-куна, который привел коня, привязал его к акации и хотел возвращаться. Тут Дурень отчаянно замахал ему руками и позвал:

— Иди сюда!

Сунь У-кун подошел и спросил:

— Ты что шумишь? Может быть, думаешь, что еды на всех не хватит? Тогда надо будет накормить досыта учителя, а сами мы попросим для себя еды где-нибудь по дороге.

— Входи сюда, — сказал Чжу Ба-цзе. — Дело совсем не в этом. Известно ли тебе, что в этом монастыре есть драгоценность?

— Что еще за драгоценность? — любопытно спросил Сунь У-кун.

— Ты, конечно, о ней никогда не слышал и не поймешь, что это такое, — смеясь сказал Чжу Ба-цзе.

— Ты что ж, Дурень, решил пошутить надо мною? — рассердился Сунь У-кун. — Пятьсот лет назад, стремясь познать закон небожителей и путешествуя на облаках, я побывал на краю света и чего только не повидал!

— А видел ты когда-нибудь, дорогой брат, плоды дерева жизни? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Вот чего не видел, того не видел, — признался изумленный Сунь У-кун. — Однако слышал, как другие говорили, что плоды дерева жизни — это эликсир бессмертия, и если человек вкусит этих плодов, то может продлить свою жизнь. Но где их достать?

— Они здесь рядом, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Эти послушники принесли два плода, чтобы угостить нашего учителя, но он принял их за младенцев и решительно отказался есть. За это послушники даже упрекнули нашего учителя. Я думаю, что после того как учитель отказался, им следовало бы предложить эти плоды нам. Но вместо этого они тайком от нас там, за перегородкой, съели их, да с таким аппетитом, что я весь слюной изошел. Как бы нам попробовать хотя бы по одному? — спросил он Сунь У-куна. — Мне кажется, что в этом деле ты кое-что смыслишь. Что если бы ты сходил в сад и выкрал несколько плодов?

— Это сущий пустяк для меня, — заявил Сунь У-кун. — Стоит мне только пойти туда, и все будет сделано. С этими словами он повернулся и хотел уйти. Но Чжу Ба-цзе остановил его.

— Слушай, брат, — сказал он. — Они говорили о какой-то золотой колотушке, которой сбивают плоды. Очевидно, без нее не обойтись. Смотри, как бы не промахнуться.

— Знаю, знаю! — отвечал на это Сунь У-кун.

Великий Мудрец тут же сделался невидимым и вошел в комнату послушников. Но здесь он никого не нашел. Съев плоды, послушники ушли в зал и там беседовали с Сюань-цзаном. Сунь У-кун осмотрелся, ища то, что называлось золотой колотушкой. Однако ничего, кроме золотой палочки, длиной в два чи и толщиной в палец, которая висела над подоконником, он не нашел. Внизу прутик оканчивался шишкой, величиной с головку чеснока, а сверху имел отверстие, в которое был вдет зеленый шнур. «Это, видимо, и есть золотая колотушка», — решил Сунь У-кун, снял прутик и вышел из комнаты. Пройдя за дом, он открыл ворота и увидел сад.

Это поистине было прекраснейшее обиталище небожителей на земле, лучший сад на западе.

Сунь У-кун никак не мог налюбоваться красотой этого леса. Пройдя первый ряд деревьев, он увидел перед собой огород.

Здесь повсюду росли плоды и овощи всех четырех времен года. Тут можно было найти и шпинат, и сельдерей, и капусту. Молодые ростки бамбука и батат, тыквы-горлянки и съедобные водяные травы, лук и чеснок, гвоздику и лук душистый. Гнезда лотоса, и баклажаны, буковник и редьку, красный бархатник, зеленую капусту и коричневую горчицу.

«Да эти монахи, оказывается, сами снабжают себя овощами», — усмехнувшись подумал Сунь У-кун.

Пройдя огород, он обнаружил еще одни ворота и, открыв их, увидел огромное дерево. Его листья напоминали листья банана и издавали чудесный аромат. Крона бросала густую тень. Высота этого дерева достигала более тысячи чи, а корни расходились на восемь чжан в окружности.

Сунь У-кун прислонился к дереву и посмотрел вверх. На ветвях, обращенных к южной стороне, он увидел плод жизни, точь-в-точь похожий на младенца. Он был прикреплен к ветви и только руки и ноги производили свободные движения да голова покачивалась. Когда же проносился ветерок, казалось, что плоды эти издают звуки. Сунь У-кун был в восторге и думал про себя: «Что за чудо! Вот уж поистине такое редко встретишь!». И он с шумом взобрался на дерево.

А надо вам сказать, что таким делом Сунь У-куну еще не приходилось заниматься. Не успел он ударить золотой колотушкой, как плод свалился с дерева. Сунь У-кун тоже прыгнул вниз и начал искать его. Однако как он ни старался, плода найти не смог. Он обшарил всю траву, но напрасно.

«Что за странные вещи происходят! — подумал Сунь У-кун. — Не иначе как у плода есть ноги. Но если бы даже он умел ходить, то все равно не смог бы перебраться через стену. Видимо, духи почвы в саду не хотят, чтобы плод достался мне, и забрали его».

И Сунь У-кун произнес заклинание, начинавшееся словом: «Ом!» В тот же миг перед ним предстал дух и, почтительно кланяясь, промолвил:

— Явился по вашему вызову, Великий Мудрец! Какие будут приказания?

— Ты разве не знаешь, что я известный разбойник в Поднебесной, — сказал Сунь У-кун. — Я выкрал персики из Небесного сада, стащил императорское вино, похитил эликсир бессмертия и все же никто не осмелился отнять их у меня. А сейчас, когда я выкрал всего один плод, ты хочешь получить свою долю. Эти плоды растут на дереве, их может склевать даже птица, что же особенного в том, что я хотел съесть один из них? А ты воспользовался тем, что я сбил с дерева плод, и утащил его.

— Обвинение ваше несправедливо, — отвечал Дух почвы. — Это сокровище принадлежит

земным небожителям, а я дух почвы, так разве осмелился бы я взять его? Я даже не имею счастья вдыхать его аромат.

— Куда же он мог деться? — спросил Сунь У-кун. — Я ведь сбил его с дерева.

— Великий Мудрец, — сказал тут дух, — вы знаете лишь то, что это сокровище приносит долголетие, но вам неизвестно его происхождение.

— Что значит происхождение? — спросил Сунь У-кун.

— Это сокровище цветет раз в три тысячи лет. Еще через три тысячи лет на дереве завязываются плоды, а чтобы они созрели, должно пройти еще три тысячи лет. За десять тысяч лет созревает всего тридцать плодов. Тот, кому посчастливится вдохнуть их аромат, будет жить триста шестьдесят лет, а тот, кто съест один из них, проживет сорок семь тысяч лет. Единственно, чего они боятся, — это пяти элементов.

— Я что-то не совсем понимаю, — сказал Сунь У-кун.

— А это значит, — сказал дух, — что от соприкосновения с металлом они падают вниз, от соприкосновения с деревом засыхают, в воде растворяются, в огне сгорают, а прикоснувшись к земле, уходят в нее. Поэтому сбивать эти плоды с дерева можно лишь какой-нибудь металлической вещью. Когда плод сбит, его надо принять на блюдо, покрытое шелковым полотенцем. На деревянной посуде он тотчас же засыхает и теряет свою силу. Их можно держать только на фарфоровой посуде и есть, обмыв чистой водой. Если плод приблизить к огню, он засохнет и тоже потеряет свою силу. Оказавшись на земле, он уходит в нее. Плод, который вы, Великий Мудрец, только что сбили, несомненно, ушел в землю. И теперь эта земля в течение сорока семи тысяч лет будет тверже, чем чугун, даже стальной бурав не оставит на ней никакого следа. Вот почему человек, который съест плод дерева жизни, становится долговечным. Если вы сомневаетесь, Великий Мудрец, можете сами убедиться, стоит вам только ударить по этой земле.

Сунь У-кун взял посох и изо всей силы стукнул им по земле. Раздался страшный треск, посох отскочил, однако на земле не осталось даже царапины.

— Вот чудеса! — воскликнул изумленный Сунь У-кун. — Этим посохом я превращал скалы в порошок. Даже на чугуне он оставлял глубокие следы. А сейчас царапины и то не осталось. Выходит, я зря обвинил тебя! Что же, иди с миром!

И дух почвы удалился.

Теперь Сунь У-кун знал, что делать. Он влез на дерево и, держа в одной руке колотушку, другой загнул переднюю полу своего шелкового халата, чтобы поймать падающие плоды. Затем, проскользнув между ветками, он сбил в полу своего халата три плода, спрыгнул с дерева и направился прямо в кухню.

— Ну как, брат, удалось достать? — с улыбкой спросил Чжу Ба-цзе.

— Сам посмотри, — сказал Сунь У-кун. — Это было не так уж трудно. На Ша-сэна тоже хватит. Надо позвать его.

— Ша-сэн, иди сюда! — махнул рукой Чжу Ба-цзе.

Услышав, что его зовут, Ша-сэн оставил вещи, которые охранял, и прибежал на кухню.

— Ты зачем меня звал, брат? — спросил он.

— Посмотри, ты знаешь, что это за штука? — сказал Сунь У-кун, раскрывая полу рясы.

— Это плоды дерева жизни, — отвечал Ша-сэн.

— Верно! Да ты, оказывается, знаешь! — удивился Сунь У-кун. — Где же тебе довелось их попробовать?

— Есть мне их, правда, не приходилось, — отвечал Ша-сэн. — Но, когда я служил распорядителем церемоний при дворе императора и сопровождал императорскую колесницу на Персиковый пир, я видел, как небожители из других стран преподносили эти плоды царице Ван-му в день ее рождения. Ну вот, видеть видел, а поесть так и не удалось. Ты уж дал бы мне, брат, попробовать.

— Ладно! — сказал Сунь У-кун, — Каждый из нас может съесть по одному плоду.

И они начали есть.

Как вам известно, Чжу Ба-цзе от природы был невероятно прожорлив и имел огромную пасть. Да еще послушники раздражили его аппетит, поэтому, как только плод жизни попал к нему в руки, он в один миг проглотил его, а затем с невинным видом, глядя на Сунь У-куна и Ша-сэна, спросил:

— Что это вы едите?

— Плоды жизни, — ответил Ша-сэн.

— Каковы они на вкус?

— Не обращай на него внимания, Ша-сэн, — сказал Сунь У-кун. — Ведь ты уже съел свою долю, чего же пристаешь с вопросами.

— Поторопился я, дорогой брат, — признался Чжу Ба-цзе. — Надо было есть, как вы: медленно, с чувством, чтобы распознать как следует вкус. А я проглотил его целиком и не знаю даже, есть ли в середине плода косточка. Будь другом, раз уже разжег мой аппетит, достань для меня еще один плод, чтобы я как следует распробовал его.

— Ты, дорогой мой, не знаешь меры, — сказал Сунь У-кун. — Ведь это тебе не каша и не лепешки, которыми наедаются до отвала. Ты сам подумай, за десять тысяч лет их вызревает всего тридцать штук, и съесть хотя бы одну штуку — большое счастье. Нет, нет! Хватит с тебя!

С этими словами Сунь У-кун взял золотую колотушку и, не глядя, бросил ее в комнату послушников, в то время как Дурень продолжал ворчать.

Между тем послушники вошли к себе в комнату, чтобы взять чай и угостить Сюань-цзана. И тут они услышали, как Чжу Ба-цзе недовольно сказал:

— Никакого удовольствия от того, что съел плод жизни, я не получил. Вот бы съесть еще, тогда все было бы по-другому. Услышав это, Цин-фын заподозрил неладное.

— Мин-юе — сказал он, обращаясь к своему товарищу, — ты слышал, что сказал длинномордый монах? Он сказал, что неплохо бы съесть еще один плод жизни. Уходя, наш учитель наказывал нам остерегаться спутников Танского монаха. Не иначе, как они выкрали наше сокровище.

— Беда, брат, беда! — сказал Мин-юе. — Ты посмотри, почему золотая колотушка очутилась на полу? Ну-ка, пойдём скорее в сад, посмотрим, что там делается.

И они оба отправились в сад. Ворота были открыты.

— Что же это такое? Ведь я закрыл ворота, — удивился Цин-фын.

Он обошел сад и обнаружил, что ворота в огород тоже открыты. Тогда они поспешили к дереву жизни и стали считать плоды, но насчитали всего только двадцать два плода.

— Ты хорошо считаешь? — спросил Мин-юе.

— Хорошо, — отвечал Цин-фын.

— Так вот, всего было тридцать плодов, — сказал Мин-юе. — Открыв сад, учитель разделил между всеми нами два плода, значит, осталось двадцать восемь. Сейчас мы с тобой сбили два плода для Танского монаха, таким образом должно остаться двадцать шесть, а мы насчитали всего двадцать два. Выходит, четырех плодов не хватает. Совершенно ясно, что плоды украдены этими злодеями. У нас нет иного выхода, как пойти поругаться с Танским монахом.

Они вышли из сада и прошли прямо в зал.

Тыча в Сюань-цзана пальцем, послушники стали ругать его самыми непристойными словами. Они называли его и разбойником, и крысиной головой, и лысым разбойником, и бесстыжим, и брюзгой. Наконец Сюань-цзан не вытерпел:

— Почтенные послушники! — сказал он. — Что вы ругаетесь? Успокойтесь. Ведь можно говорить потише. Зачем зря шуметь?

— Да ты оглох, что ли? — возмутился Цин-фын. — Мы ведь тебя ругаем, неужели ты не понимаешь? Ты выкрал у нас плоды жизни, и хочешь, чтобы мы молчали!

— А как они выглядят, эти плоды? — спросил Сюань-цзан.

— Да ведь мы только что приносили их тебе и предлагали съесть, а ты отказался, заявив, что это младенцы.

— Боже милостивый! — воскликнул Сюань-цзан. — Да при одном только виде этих плодов я пришел в ужас, как же мог я съесть их? Да если бы даже я был прожорливым человеком, то и тогда не решился бы на такой злодейский поступок. Так что зря вы нападаете на меня.

— В таком случае плоды украли ваши ученики!

— А вот это вполне возможно, — признался Сюань-цзан. — Вы успокойтесь, а я расспрошу их об этом. Если это действительно они, я заставлю их возместить эту потерю.

— Возместить! — воскликнул Мин-юе. — Да разве купишь их за деньги?

— Может быть, их и нельзя купить, но пословица не зря говорит: «Добродетель и справедливость — дороже золота». Я прикажу им принести вам извинения, и дело с концом. И кроме того, неизвестно, виновны ли они.

— А кто же, если не они? — сказал Мин-юе. — Они и сейчас продолжают спорить, никак не поделят их между собой. — Ученики! — крикнул Сюань-цзан. — Идите-ка все сюда!

— Ну, теперь пропали! — сказал Ша-сэн. — Учитель зовет нас, да и послушники раскричались. Разговор, видимо, будет об украденных плодах.

— Ну и дела! — воскликнул Сунь У-кун. — Ведь и особенного-то ничего нет. Этими плодами можно только жажду утолить. Конечно, мы их выкрали. Однако признаваться в этом не надо.

— Вот это правильно! — подхватил Чжу Ба-цзе. — Молчок! И, выйдя из кухни, они все втроем направились в зал.

Но о том, как они отказались от того, что сделали, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286429>